

Он прожил не улиточной жизнью

Николай Ге.
Искусство “живой формы”

Исполнилось 170 лет со дня рождения Николая Николаевича Ге. Юбилей художника — повод увидеть его творчество сквозь призму временной дистанции. Думается, пришла пора пересмотра тех устоявшихся ярлыков и мифологических представлений, которые еще при жизни и вот уже более века после его смерти мешают восприятию созданий этого удивительного мастера. Среди них миф о технической неумелости Ге, о незаконченности многих его произведений, о поработанности его творческой воли авторитетом Льва Толстого, о глубоком неверии и пессимизме позднего творчества художника.

Эмоциональное, светоносное, оригинальное творчество Ге стоит особняком в русском искусстве XIX века. Все писавшие о нем отмечали несовпадение его творческого развития с основными этапами эволюции живописи второй половины XIX века.

Ге несколько раз круто менял свою жизнь. Его развитие как человека и художника шло через разрывы, оно не было плавным. Если снять о нем биографический фильм, то он смонтируется из нескольких глав с разными декорациями, разным пейзажным фоном, разным окружением: Италия, где Ге прожил тринадцать лет, где написал “Тайную вечерю”, где встретился с Александром Ивановым и Герценом; затем Петербург, участие в создании Товарищества передвижных художественных выставок, увлечение русской историей, успех “Петра и Алексея”, разочарование в собственном творчестве и окружении; и вновь полная смена декораций — отъезд в Черниговскую губернию на хутор Ивановское, украинская речь, дом с соломенной кровлей, занятия сельским хозяйством, дела черниговского земства, сближение с народом увлечение личностью Толстого и его учением, “Страстный цикл” картин и новый подъем творчества, возвращение на арену художественной жизни.

Ге много и часто упрекали. Не только публике и критикам, но и собратьям по художеству его живопись часто казалась неряшливой, слишком небрежной, безупречной в техническом отношении. Неожиданность и смелость его композиционных решений принимали за ошибку и недомыслие. В разговорах о Ге всегда присутствовали знак вопроса и чувство опасности, он приближался к границе эстетических норм XIX века и разрушал ее. Творчество Ге часто не встречало понимания у современников. Но сейчас, по прошествии времени, его возможно воспринять как уникальное целостное явление. Эта так называемая “небрежность” и “неумелость” работ Ге — составляющий элемент его идеи “живой формы”. Это протест против мертвенности ремесла. Ге полагал метод Александра Иванова, который путем кропотливого синтеза отбирал наиболее совершенные черты для создания совершенной формы, совершенной картины, ошибочным. В противовес академической концепции “совершенной формы” Ге выдвинул свою идею “живой формы”. Поэтому соображения, постоянно встречающиеся в критике, о неряшливости, незаконченности произведений Ге порождают непониманием искусства художника, тех задач, которые он перед собой ставил. Ге стремился абсолютно отделиться от искусства академического и салонного. До сих пор современно звучат слова Ге о процессе коммерциализации искусства. С ней он свя-

зывал и деление живописи на виды и жанры. С деньгами в искусство вошло ремесло, появились ремесленные денежные интересы, появились картины ради обстановки. Картина — фон для хозяина особняка — должна быть безликой, нераздражающей, незадевающей, чтобы не беспокоить его чувства и мысли. Ге никогда не относился к искусству как к ремеслу. Искусство не может служить лицу или нескольким лицам, не уставал повторять художник: “Искусство поднимает душу от земли к небу”, остальное — труп вещи. Ге имел право так говорить. Он сделал все, чтобы его искусство было свободным. Для него это была одна из возможных форм проявления творческого духа, способ диалога с миром, выражения своих взглядов, своих идеалов.

Невозможно составить целостное представление о творчестве Ге без его портретов. Отношение Ге к человеку было лишено пафосности. Если сравнить серию портретов писателей, исполненных по заказу Третьякова Крамским, с портретами писателей работы Ге, то можно ощутить, что Крамской поднимает своих героев на некие котурны. Ге же не ощущает потребности в какой-либо внешней сакрализации личности, так как изначально убежден в божественном происхождении природы человека. Поэтому столь шокирующий публику и цензоров образ Христа в поздних работах “Страстного цикла”, тщедушного, истерзанного, неблагообразного внешне, был для Ге не намеренным эпатажем, эксцессом, а достаточно органичным проявлением его этической позиции и концепции “живой формы”.

Работа над портретом для Ге всегда была связана с высвобождением сути человека, очищением его образа от “пошлости жизни”. Ге достаточно безразличен к внешней красоте портретной формы, декоративным возможностям портрета, сдержан в “костюмной части”. Может быть, поэтому многие портреты художника выглядят очень современно. Патины времени на них словно невидима. Он передает облик человека, доступный созерцанию только любви. Ге не анализирует модель, не иронизирует над ней, не подсматривает. Он смотрит на человека с доверчивостью влюбленного, и зритель почти физически ощущает токи душевной приязни между художником и изображенным человеком. Произведения Ге не рассчитаны на длительное взглядывание, они воздействуют на зрителя мгновенно, захватывая его эмоционально: “Картина не слово, она дает одну минуту, и в этой минуте должно быть все, а нет — нет картины... взглянул, и все, как Ромео на Джульетту, и обратно...” — говорил художник.

Крамской считал художника служителем истины путем красоты, для Репина красота заключена в правде. Ге в аксиологической триаде “красота — добро — истина” ставит на первое место добро.

Т.Л. Сухотина-Толстая вспоминала, что на ее досадливое замечание о бесконечных посетителях, отрывавших Ге от работы, он ответил: “Человек выше холста”. В личности и творчестве Ге не было и тени самодовольства, высокомерия, наоборот — бесконечное смирение. При всей близости искусству романтизма, при всем восхищении своим кумиром Брюлловым лично ему была абсолютно чужда романтическая концепция гения и толпы, идея превосходства индивидуального таланта и культуры вообще. Он никогда

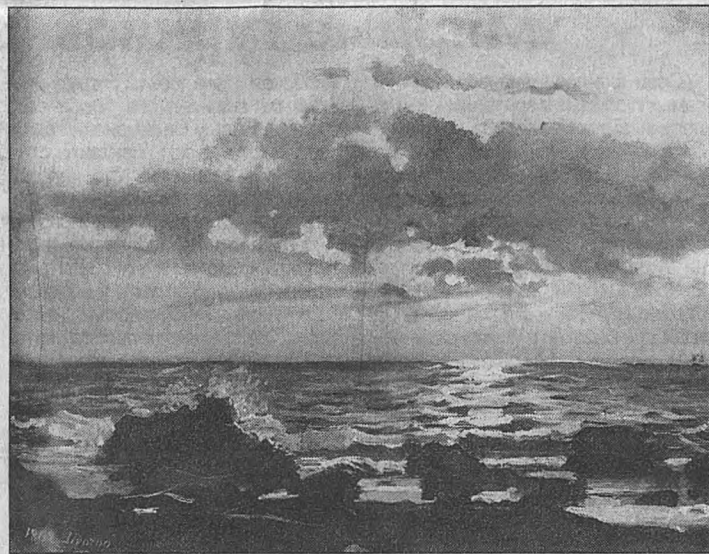


Вверху: Н.Ге. “Молодая итальянка в народном костюме”. 1857 г.

Внизу: “Закат на море в Ливорно”. 1862 г.

не превозносил себя как творца, не бравировал мастерством, для него искусство не было игрой. Что такое творчество? Дар превосходства над людьми, или это дар любви, света, добра? Творчество — путь к гордыне или гуманизму? Выше культуры он ставил культуру человеческих отношений. Самая великая культура на земле — это отношение к человеку (“Выше человека я ничего не знаю”). Религия Ге — это “религия сердца”, его церковь — это своего рода “орден милосердия”. Галерея портретных образов художника — своего рода масонское общество, некое духовное братство. Его портреты, особенно 1880 — начала 1890-х, выражением духовной общности, зыбкой трепетности душевного мира напоминают “масонские портреты” позднего Д.Г. Левицкого.

Ге всегда отличали острое желание свободы, ненависть к любым формам угнетения личности. Его лучшие портреты овеяны чувством внутренней свободы личности. Из годов своего детства и юности он вынес желание и обязанность для себя “никогда и никого не угнетать”. Как до него Кипренский, Шедрин, Брюллов, Иванов, Ге рвался в Италию из Петербурга на свободу (уехал при первой возможности, не дожидаясь пенсионерских денег); день освобождения крестьян пережил как свое личное счастье; участвуя в создании Товарищества передвижных художественных выставок, стремился освободить художника от необходимости зависеть от продажи своих произведений, дав ему возможность жить на деньги, полученные с посетителей выставки за входные билеты. Нравственный максимализм и экстремизм Ге одним восхищал, других отпугивал. Среди художников второй половины XIX века фигура Ге по-своему трагична. Судьба Ге — предчувствие, предвестие будущей трагической судьбы Врубеля. Во времена, когда искусство начинает активно втягиваться в сферу рыночных отношений, Ге за-



нял позицию принципиально некоммерческого художника. За свою любовь к свободе и роскошь всегда был самым собой он заплатил дорогую цену: бедность, отсутствие признания, гонения цензуры на его произведения, которые постоянно снимали с выставок, отшельническая жизнь на хуторе. Увлечен за собой по этому экстремистскому пути он никого не смог. У Ге фактически не было учеников и последователей, может быть, только во Врубеле он видел близкий себе мир. От нравственного экстремизма Ге отшатнулся Коровин: “У меня был Ге, говорил о любви и прочем. Да, правда, любовь — это многое, но о деньгах он как-то отвернулся... Во мне нет корысти. Я бы действительно хотел петь красками песню поэзии, но я не могу — у меня нет насущного. А если я буду оригинален, то и не пойду по ступенькам признания, и поэтому принужден быть голодным”.

Личность Ге, равно как и его творчество, — редкий пример счастливого равновесия ума и сердца; эмоциональность, душевная открытость, страстность сочетались в нем с развитым сознанием, большой культурой мысли. Мудрец и ребенок жили в нем на равных, не мешая друг другу. Крамской сказал о Толстом, что впервые встретил человека, в кото-

ром мысли и поступки соединились бы между собой, как радиусы с центром. Это можно было бы сказать и о Ге: нравственный максимализм его высказываний соответствовал последовательности поступков. За всеми скачками и перепадами его творческой и личной биографии всегда прослеживается истовое желание правды, поиск нравственного идеала, поиск “живой формы”, способной выразить “живое содержание”. После смерти Ге его сын Николай скажет об отце: “Он прожил не улиточной жизнью, в его картинах нет общих мест, он не придумывал свои сюжеты, он сам жил в том душевном уровне, который определял выбор этих сюжетов, и потому все в них интересно, как может быть интересно только живое”.

Ге, по возрасту самый старший из передвижников, был творчески близок молодому поколению. Неслучайно он не столько заканчивает XIX век, сколько открывает новую страницу XX века. Импульс творчества Ге будет воспринят Врубелем, Чекрыгиным, Романовичем, что найдет выражение не только в экспрессивной форме, но и в жажде нравственного обновления, в желании “брать высокие ноты”.

Татьяна КАРПОВА

Культура-2001-22-28 марта 2011